

АРМЕН АЙВАЗЯН. Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения. Ереван. Дом печати «Воскан Ереванци», 2016, 516 с.+илл.

Историк, доктор политических наук Армен Айвазян недавно выступил с фундаментальным военно-историческим анализом армяно-персидской войны 449–451 гг., в частности, Аварайрского сражения и его эпохального значения для дальнейших судеб армянского народа. В обширной монографии «Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения» автор представляет первый в историографии целостный анализ кампаний и сражений этой войны – одной из самых больших в серии многочисленных армяно-персидских войн III–V веков.

В своих последних исторических работах А. Айвазян все более целеустремленно обращается к античному и средневековому военному искусству, сопоставляя многовековые традиции греко-римского военного дела и классическую полемологию с фактами военной истории позднеантичной Армении. Автор преследует цель с научной точки зрения выявить наличие военно-стратегических концептов у известных армянских полководцев, многим из которых нередко выпадала честь победоносно предводительствовать и чужестранные армии.

В противовес церковным историкам, которые следуя своим религиозным предубеждениям, приписывали армянским спарапетам (наследственным главнокомандующим) подражание подвигам Иуды и Мадатии Маковеев, сами же полководцы черпали военное искусство и стратегию ведения сражений у своих языческих предков-полководцев Тиграна Ервандяна, царя царей Тиграна Великого и других, подвигами которых восторгались Цицерон, Дион Кассий, Аппиан.

Привожу следующие веские свидетельства, обнаруженные мною у греко-римских авторов. Мовсес Хоренаци описывает военные преобразования царя Тиграна Великого, в лице которого он представляет собирательный образ одноименных царей Тиграна Ервандяна (около 555–520 до н. э.) и Тиграна Второго (Великого) (95–55 до н. э.): «Пехотинцы оказались на конях, пращники стали меткими лучниками, дубинщики вооружились мечами и копьями, незащищенные (броней) прикрылись щитами и панцирями»¹.

---

¹ Мовсес Хоренаци. История Армении (далее – Мовсес Хоренаци). пер. Г. Саркисяна. М., 2011, кн. I, гл. 24, с. 41.

Последнее выражение в русском переводе Г. Саркисяна несколько стилизовано. Здесь историк Мовсес Хоренаци черпает свое сообщение у древнегреческого историка-полководца Ксенофонта, используя его же военный лексикон в дословном переводе с древнегреческого на древнеармянский: «Голые прикрылись железными щитами и панцирями». Под словом *голые* Хоренаци имеет в виду легковооруженных воинов. В том же значении *голые* упоминаются в «Анабасисе» Ксенофонта в начале IV столетия до н. э. в числе пехотинцев Эллинского войска, названных по-гречески $\gamma\upsilon\mu\nu\eta\tau\alpha\iota$ ², что в русском переводе «Анабасиса» Ксенофонта передано тем же греческим термином: гимнеты, в противовес тяжеловооруженным гоплитам. Как отмечает Ксенофонт, гимнеты – легковооруженная пехота, не имевшая оборонительного оружия. Гимнеты делились на метателей дротиков, пращников и лучников. Так же, как и пельтасты, гимнеты действовали преимущественно в рассыпном строю. Забегая вперед, отметим, что в книге А. Айвазяна точно определяется значение встречающегося у Егише терминологического словосочетания «*ułrłı şıwıbg qhıni şıktıhıwılrı*» как «голые лучники без защитного вооружения», подразумевая, что последние не имели щитов. Айвазян замечает, что слово «мерк» (*ułrłı*), означающее «голый», имело отдельное военное значение «безоружный» (с. 377 прим. 797).

Пращники и дубинщики во времена Тиграна Ервандяна были частью пехоты Эмбаза. То, что лучники стали всадниками, имело место позже, при царе Тигране Втором, когда меткие лучники, по образному выражению Хоренаци, прямо «от шеи коней» запускали свои стрелы по врагу³. И когда они собирались вместе, – замечает наш историк, – «достаточно было одного только вида их скопления, блеска и сверкания их доспехов и оружия, чтобы обратить неприятеля в бегство»⁴.

Однако, источником последнего сообщения Хоренаци является уже не Ксенофонт, а более поздний греческий историк и биограф Плутарх (II век н. э.), который в своих «Параллельных жизнеописаниях» рассказывает о нашествии римского императора Лукулла на Армению и в одном из эпизодов, описывая боевой строй и полное вооружение внезапно появившейся на по-

² Xenophontis Expeditio Cyri. Recensuit Guilelmus Gemoll. Editio minor. Bibliotheca Teubneriana. Lipsiae, 1910. См. также русский пер. М. И. Максимовой – Ксенофонт. Анабасис. М., 1951, кн. I, гл. II, § 2, прим. 20. В древнегреческом слова $\gamma\upsilon\mu\nu\eta\tau\epsilon\varsigma$, $\gamma\upsilon\mu\nu\eta\tau\eta\varsigma$ означают «легковооруженный пеший воин» (pl. $\gamma\upsilon\mu\nu\eta\tau\alpha\iota$), см.: Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом. СПб., 1899, с. 280.

³ Мовсес Хоренаци, кн. I, гл. 24, с. 41.

⁴ Там же, с. 41 – 42.

ле реки Арацани многочисленной конницы Тиграна Второго, отмечает, что от блеска и сверкания их доспехов и копий император Лукулл в первый миг впал в ужас и дал приказ своей коннице отступить⁵.

Однако вернемся к главному предмету нашей рецензии. Последнему капитальному труду предшествовал ряд публикаций А. Айвазяна на военно-историческую и национально-освободительную тематику, в том числе, «Армянское восстание 1720-х годов и угроза геноцидального подавления» (1997, на англ. яз.), «Кодекс чести армянского воинства (IV–V вв.)» (2000), «Родной язык и возникновение национализма: сравнительный анализ армянских и европейских первоисточников» (2001, на арм. и англ. яз.), «Армянская церковь на перепутьях армянского освободительного движения в XVIII веке» (2003), «Основные элементы к доктрине национальной безопасности Армении» (2003, 2004), «Древняя Армения как «национальное государство»» (2005), «Геополитическая детерминанта имперских предрассудков и византийский военный прагматизм» (2012, на русс. яз.), «Тайные операции армянской разведки в 1720-х гг.» (2012, на арм. и русс. яз.), «Армянское воинство в Византийской империи: конфликты и союзы в эпоху Юстиниана и Маврикия» (2012 и 2014, на англ. яз.; 2013, на франц. яз.). Указанные работы свидетельствуют, что автор подошел к своей монографии об армяно-персидской войне 449–451 гг. с глубоким знанием источников, научной литературы (включая ее новейшие достижения) и весьма продуктивно раскрывает в рецензируемой монографии свои навыки и помыслы в сфере изучения греко-римских источников о военном искусстве.

Аварайрская битва, справедливо оцениваемая А. Айвазяном как «крупная проблема не только армянской, но и всей позднеантичной военной истории» (с. 319), находит в его работе всестороннее и на сегодняшний день самое полное освещение. Тем самым данное исследование может послужить прочной основой для дальнейшего раскрытия исторических событий середины V века. Работа осуществлена с честным порывом и научным рвением, вызывающими уважение и доверие к выводам и констатациям автора. Заканчивая чтение, отгоняешь от себя различные думы о всевозможных спорах относительно переоценок самой битвы и роли в ней великого полководца Вардана Мамиконяна.

---

⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Лукулл, т. I. М., 1994. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. 31: «...но в этот миг вышла вперед конница Тиграна. Лукулл был устрешен ее грозным видом и огромной численностью и велел своей коннице прекратить преследование». В русском переводе С. С. Аверинцева упущены слова «от блеска и сверкания (многочисленной конницы)».

Результаты исследования А. Айвазяна достоверно опровергают всевозможные необоснованные ревизионистские толкования и отступления, которые допускают некоторые отечественные и зарубежные авторы, рассматривающие события раннего средневековья сквозь призму современных политических, а также своих узких побуждений, соответственно пытаясь отрицать национальную идею армянской освободительной войны и героическую самоотверженность Варданидов.

История Егише, выполненная по просьбе иерея Давида Мамиконида, рассказывает о восстании армянского народа против попытки сасанидского царя царей Иездигерда II уничтожить христианство в Армении и заставить армянский народ принять зороастризм, т. е. огнепоклонство. Кем является Егише? Вопреки имеющимся до сих пор догадкам, в одном из моих последних исследований⁶ я показал, что автором истории о войне Варданидов является не епископ Егише из рода Аматауни, упоминаемый в списке Арташатского собора 449 г., а одноименный молодой Егише, придворный иерей (Եղիշէ դրան Էրէց) – секретарь марзпанства, которое размещалось в прежней резиденции армянских царей в Шахапиване. На него никто до сих пор не обращал должного внимания. Память об этом иерее Егише сохранилась в малоизвестном протоколе рукописи № 659 Матенадарана имени Маштоца, который в комментариях разных исследователей оценивается как поздняя редакция, лишенная всякого научного, а то и документального значения. Личность Егише иерея впервые раскрыта всесторонне в моем исследовании, посвященном Шахапиванскому собору Армянской церкви 444/5 года⁷. Как видно из предисловия Истории Егише, он вместе с Давидом Мамиконидом получил философское образование в Александрии в начале 440-х годов. Именно к этому иерею Егише, после завершения Аварайрских событий в середине 450-х годов, обращается Давид иерей Мамиконид, как к непосредственному свидетелю и соучастнику, с просьбой об изложении истории армянского восстания.

К чести исследователя А. Айвазяна, нужно отметить, что в его монографии в качестве автора Истории Варданидов впервые выступает эта новая личность Егише. Тем самым, думается, положен конец разным спекуляциям о существовании в VII веке некоего псевдо-Егише, который, якобы пользуясь Историей Лазаря Парпеци, сфабриковал лжеисторию о Варданидах. «Ревизионистские заключения о сочинении Егише, – отмечает А. Айвазян, –

⁶ Ա. Այվազյան. Վարդանանց պատմության հեղինակ Եղիշեն և նրա նոր անձնավորության բացահայտումը. – «Էջմիածին», 2013, - 12, էջ 37–55:

⁷ Ա. Այվազյան. Ուրբե՞ր են Քրիստոսի նախանձահույզ պաշտոնյաները (Շահապիվանի ժողովի նախադրության վավերականության հարցի շուրջ). – «Գրականագիտական հանդես», 2015, ԺԶ, էջ 3–18:

вошли в обиход давно, еще с легкой руки гиперкритиков «филологической школы» конца XIX – начала XX вв. Суть этих заключений (досконально опровергнутых уже в 1940–1960-х гг.) рельефно передана, к примеру, в следующем заявлении: «Обвораживающее [литературное] достижение Егише почти не содержит точных или достоверных сообщений, могущих заинтересовать исследователей армянской политической или военной истории» («Elishe's fascinating achievement affords little precise or reliable information to the student of Armenian political or military history», см. сноску (Cowe, Peter S. *Elise's Armenian War*. P. 355) (с. 33–34). Труд Айвазяна является достойным отпором вышеприведенным умозрениям, дискредитирующим уникальный исторический памятник Егише.

Раскрытые в книге А. Айвазяна богатые сведения Егише о военных фактах армяно-персидской войны 449–451 гг. всецело опровергают увертки ряда зарубежных арменистов, стремящихся всячески доказать, что сочинение Егише является не рассказом очевидца, а пространном литературным пересказом Лазаря Парпеци, сделанным позднее, где-то в VI–VII столетии⁸. «Наоборот, есть все основания утверждать, – заключает автор, – что именно Лазарь Парпеци занялся произвольной интерпретацией и деформированием знакомых ему первичных сведений Егише, что подтверждается филологическим и источниковедческим анализом» (с. 33).

Армянское восстание середины V века своей идеологической целеустремленностью и героическим вдохновением удостоилось, помимо прочего, высокой оценки крупных армянских и зарубежных исследователей, в том числе Йозефа Маркварта, А. Манандяна, Е. Тер-Минасяна, С. Еремяна и других, которые рассматривали это событие с общественной и политической точки зрения, как эпопею длительного противостояния патриотических сил во главе с Варданом Мамиконяном и противоборствующей частью нахараров во главе с марзпаном Васаком Сюни. Новая книга А. Айвазяна знаменательна еще и тем, что в ней впервые автор рассматривает эти события как военный историк, для которого Аварайрское противостояние – не односторонняя битва, а совокупность ряда военных кампаний с многочисленными сражениями и боями, предшествующими и последующими Аварайрской битве.

Схожими параллельными эпизодами, заимствованными из античных исторических сражений, А. Айвазян обогащает свою трактовку военных кампаний армянского восстания и, в частности, Аварайрской битвы. Напри-

---

⁸ Ñì.: E l i s h e. *History of Vardan and the Armenian War*. Transl. and comm. by R. W. Thomson. Cambridge, Mass. 1982, pp. 25–27, P. C o w e. *Elise's Armenian War as a Metaphor for the Spiritual Life. From Byzantium to Iran*. – *Armenian Studies in Honour of Nina Garsoïan*. Ed. By Jean Pierre Mahé. Atlanta, 1997, pp. 341–369.

мер, преодоление весеннего полноводного Тгмута Варданом Мамиконяном он сравнивает с дерзким форсированием Александром Македонским Граника, в ходе знаменитой битвы при этой реке в 334 г. до н.э.: «Обе битвы, – отмечает наш военный историк, – произошли в конце мая, когда как Тгмут, так и Граник были полноводными. Граник, как и Тгмут был небольшой рекой, средняя ширина которой в отрезке, где произошло это сражение, составляет около 20 метров» (с. 290).

Специального рассмотрения заслуживает оценка, данная Егише итогам Аварайрской битвы: «Ибо не то, чтобы была сторона, которая победила, и сторона, которая проиграла, а было выступление отважных против отважных, в котором обе стороны потерпели поражение» (с. 311). В многочисленных баталиях, описанных Мовсесом Хоренаци в своей Истории, следует отметить сражение между римлянами и персами близ горы Сингара в 344 г., которое, по оценке Хоренаци, также завершилось обоюдным поражением: «Констанций же, назначив кесарем Юлиана, ополчился против персов. В происшедшем сражении обе стороны потерпели поражение, ибо и с той, и с другой были большие потери; но ни одна из них не обратила к другой тыла, пока не пришли к соглашению и не заключили перемирия на несколько лет»⁹.

Однако А. Айвазян не довольствуется только древними параллелями военных источников и в оправдание заключения Егише находит разительные сходства в новой военной истории Европы. В связи с этим он напоминает знаменитый отзыв Наполеона Бонапарта о Бородинском сражении 1812 года: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми»¹⁰.

Не претендуя на бесспорность своих суждений, автор рецензируемой монографии совершенно справедливо считает, что настоящий анализ может стать основой для еще более детальных реконструкций битвы, чему, в особенности, способствовало бы проведение в будущем археологических раскопок на Аварайрском (Каразиадинском) поле (с. 319).

Наперекор всем ненаучным и подчас беллетристическим суждениям о «дипломатической мудрости» Васака Сюни, при полном молчании о его пагубном тщеславном властолюбии, А. Айвазян противопоставляет величие

⁹ Мовсес Хоренаци, кн. III, гл. 12, с. 161.

¹⁰ Советская историческая энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 629; ср.: Е. В. Тарле. Сочинения, т. VII, М., 1959, с. 580. Интересно, что в первых же официальных документах о результатах Бородинской битвы обе стороны рапортовали о победе (см.: Л. Л. Ивченко. Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2015, с. 329–330).

Вардана Мамиконяна как полководца и стратега, который «под Аварайром сумел нанести сасанидской армии серьезнейший урон и, хоть и ценою своей жизни, уберечь и сохранить Армянскую Армию для развертывания дальнейшего сопротивления» (с. 314).

Безусловным достоинством рецензируемой книги является то, что в ней впервые в арменологии вводятся в научный оборот многие из памятников древнегреческой, римской, ранневизантийской и сасанидской полемологии, а также множество новейших исследований по военной истории и военному делу Сасанидского Ирана и Византийской империи.

Важнейшее значение для изучения всех аспектов истории Армении имеют результаты анализа демографии и мобилизационных возможностей царства Великая Армения в IV–V вв., полученные автором в ходе выяснения численности Армянской Армии (с. 91–107, 317.). Пристально изучаются как ценные прямые количественные сведения, которые в ряде случаев сохранились в источниках, так и проведенные в разное время мобилизации и военные сборы армянских войск (с. 46, 75, 80–81, 90, 98, 105, 174, 317, 354, 390, 417).

В процессе исследования практически в тысячелетней перспективе, с VI в. до н. э. по V в. н. э., устанавливается то огромное воздействие на боеготовность и эффективность Армянской Армии, которое оказали военные реформы, проведенные, в частности, в VI в. до н. э. (с. 387–389), в 69–67 гг. до н. э. (с. 278–279, 390), в начале IV века н. э. (с. 115, 409), а также в 449–450 гг. (с. 115–116).

Методологическим новшеством является предпринятая А. Айвазяном систематическая попытка анализа военных сведений древнеармянских источников на основе их критического сравнения с объемной полемологической литературой Древнего мира и античности, включая в особенности работы Асклепиодота, Фронтинна, Вегеция, Маврикия, Льва VI, сасанидского «Аин–Намэ» и ряд других военных трактатов. Искусно использованы также теоретические разработки немецкого классика военной мысли Карла фон Клаузевица.

А. Айвазян показывает, что сведения Егише о тактических действиях и намерениях армянских и персидских войск часто в точности совпадают с рекомендациями указанных трактатов. Приведем всего лишь один пример. В первой операции войны армия под командованием Вардана Мамиконяна, «разделившись на три части» (корпуса), ночью скрытно окружила персидский укрепленный лагерь близ Англа и «с восходом солнца, с трех сторон» атаковала его: «Первый корпус – с восточной стороны, и второй корпус – с западной стороны, и третий корпус – с северной стороны, взяв в окружение, заперли все [персидское] войско в военном лагере, и многих умертвили, а еще большее количество, [включая] видных людей (т. е. командиров – А.

А.), связали и бросили в подвластные им мощные крепости» (Егишэ на древнеарм, с. 132 (пер. А. Айвазяна); Егишэ, пер. И. Орбели, с. 70) (с. 50).

Атака именно с трех, а не с четырех сторон на полевой стан персов, как в связи с этим эпизодом замечает Айвазян, полностью соответствовала канонам византийского военного искусства. В одном памятнике ранневизантийской полемологии предписывалось: «Направление, по которому враги к нам вторглись и которое ведет во вражескую землю, следует оставить открытым, чтобы враги сохраняли за собой путь для отступления, а не побуждать их, лишенных возможности исхода, превосходить в мужестве самих себя» (с. 50–53). Исходя из этого, не было случайностью и то, что путь к отступлению персов, не прикрытый армянскими войсками, оказался именно в южном направлении. Этот же принцип рекомендуется в военном «Стратегиконе» византийского императора Маврикия (584–602).

В книге выявляется множество важнейших военных фактов и эпизодов из истории армяно-персидской войны 449–451 гг. Например, благодаря правильному прочтению и аргументированной трактовке одного до сих пор неверно понятого места из древнеармянского оригинала Егише, выясняется, что в конце 450 г. из состава 1-й Армянской Армии Нершапуха Арцруни был выделен «отдельный пограничный корпус» под командованием Вагана Арцруни (численностью 10–15 тысяч чел.), который еще до подхода основных сил Армянской Армии в конце апреля 451 г. занял оборонительные позиции на Аварайрском поле (с. 202, 203, 209, 281, 349).

Большой интерес представляет тщательный анализ боевых порядков армянской и персидской армий в ходе Халхалской и, особенно, Аварайрской битв, уточнение численности родов войск противников и их распределение по фронту и в глубину (с. 116–152, 216–309).

Устанавливается, что под Аварайром персидский главнокомандующий Мушкан Нисалавурт создал в составе своей армии отряд особого назначения (условно названный автором «Апархским», по имени его основного этнического элемента), действия которого в дальнейшем сыграли роковую роль в гибели спарাপета Вардана Мамиконяна (с. 225, 246, 248–249, 251, 307).

Детально раскрываются, в частности, тактика применения и действия персидской элефантерии, численность которой под Аварайром достигала, согласно результатам анализа Айвазяна, 40 боевых слонов, из которых около 24 находились в резерве и действовали в сомкнутом строю вместе с прикрепленными к ним отрядами тяжеловооруженных пехотинцев, а остальные 16 выполняли роль командных пунктов для персидских пехотных полков (с. 188–189, 198–201, 218–219, 231–245, 250–252 и т. д.).

По ходу своего исследования А. Айвазян скрупулезно исследует древнеармянскую военную лексику и терминологию. Решение этой же труднейшей задачи по необходимости дополнено в Приложении 1 («Терминология

организационной структуры Армянской Армии в IV–V вв.»). Выявляются история, этимология и численность важнейших военных формирований древнеармянской армии – *востаников*, *спасаворов*, Мардпетаканского войска (*мардов*), Востанов (военных округов и корпусов царской армии), тяжелооруженной конницы (катафрактов).

Крайне ценным следует считать и то, что А. Айвазян заново перевел на русский язык и досконально прокомментировал не только важные военные термины и терминологические словосочетания, но и многочисленные обширные отрывки из армянских первоисточников. Причем новые толкования сравниваются с существующими переводами, что придает рассматриваемой монографии хрестоматийный характер.

Книга состоит из девяти глав и трех приложений. На основании результатов исследования в ней помещены восемь карт и схем – три по сражению под Халхалом и три по Аварайрской битве, а также общая карта Армении и региона в период армяно-персидской войны 449–451 гг. Реконструирована и представлена также схема организационной структуры Армии Армении в IV–V вв., позволяющая намного глубже понять как военную, так и государственно-административную систему Древней Армении.

АЛЬБЕРТ МУШЕГЯН